

2. Обобщенные социальные установки, в частности к нормативным аспектам привычной жизненной ситуации, — неплохая база для предсказания характерных черт реального поведения в тех условиях, к которым они отнесены. При этом чем более вероятно возможность принятия самостоятельных решений, тем достовернее прогноз (методика VI).

3. Обобщенные установки, фиксированные в воображаемых и достаточно отвлеченных ситуациях (методика VII), хорошо согласуются с диспозициями высших уровней и обладают прогностической силой при оценке общих характеристик поведения в определенной сфере деятельности. Но они скорее всего плохо согласуются с конкретными поступками в ограниченном диапазоне условий, так что полученная информация не годится для предсказания поведения в этом «масштабе».

4. Для предвидения определенного поступка в жестко очерченных условиях вполне информативны ситуативные социальные установки. Однако с практической точки зрения нет надобности пользоваться столь сложной процедурой, как это было сделано в нашем исследовании (методика X). Достаточны прямые вопросы о намерении совершить поступок, если сам поступок и ситуация, в которой он ожидается, четко определены.

5. Важно подчеркнуть, что наиболее надежное предсказание последовательности поступков, направленности поведения и его социально значимых характеристик может быть обеспечено лишь при условии, если мы располагаем данными хотя бы о некоторых структурных состояниях диспозиционной системы и прежде всего о направленности интересов личности, уровне ее вовлеченности в деятельность, относящуюся к прогнозируемой области поведения, и уровне вовлеченности в прогнозируемые способы действий.

3. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ПО ИТОГАМ ИССЛЕДОВАНИЯ

Здесь мы хотим вернуться к теоретической гипотезе исследования и, опираясь на рассмотренные в книге данные, подвести общие итоги в рамках предложенных ранее гипотез и следствий из них (см. § 3 и 4 главы I).

Хотя целый ряд наших первоначальных утверждений не подтвердился, а многие другие не могли быть проверены в данном исследовании, общую формулировку гипотезы о диспозиционной структуре личности и ее регулятивных функциях можно считать вполне обоснованной.

1. Предположение об иерархической организации диспозиционной системы не было опровергнуто. Вместе с тем границы между диспозиционными образованиями разной степени общности оказались не столь определенными и резко очерченными, как ожидалось.

Главным образом это относится к высшим диспозиционным уровням — общей направленности интересов личности и ее ценностным ориентациям, — по всей видимости образующим целостную подструктуру. Изучение взаимосвязей в системе ценностных ориентаций (см. §1 главы III) и влияния общей направленности интересов на диспозиции в сферах труда и досуга (см. §3 главы III) убеждают, что «баланс» интересов в отношении профессиональной, семейно-бытовой и досуговой деятельности определенным образом упорядочивает отношения личности к основным целям жизни и средствам их достижения, выполняет роль *внутреннего ядра* ценностно-ориентационной системы личности и в этом качестве служит ведущей характеристикой ее общей жизненной позиции. Если рассматриваемые образования и следует разделять как разноуровневые, то не ценностные ориентации, а скорее *общая направленность интересов доминирует на вершине диспозиционной иерархии личности* (см. § 4 главы III). Такое заключение подкрепляется целым рядом полученных данных (в частности см. рис. 7) и теоретически обосновано тем, что именно направленность интересов «фиксирует» субъективную ориентацию индивида в отношении основных сфер жизнедеятельности больших социальных групп, к которым принадлежит личность. При таком уточнении можно сказать, что высшие уровни диспозиционной иерархии выполняют функции стабилизации и гармонизации представлений субъекта о самом себе, составляют важнейшие компоненты его личности. Адаптация диспозиционной системы к частным условиям деятельности обеспечивается ее нижележащими уровнями — обобщенными и в особенности ситуативными социальными уста-

новками, а ее устойчивость — высшими диспозиционными образованиями.

Один из наиболее важных результатов исследования — подтверждение гипотезы об иерархической структуре диспозиционной системы (см. §2 главы III; §2 главы VI). Состояние общей направленности интересов и ценностных ориентаций позволяет предсказать характер обобщенных социальных установок; вариации последних обуславливают вариации ситуативных установок. Попытка же установить связи влияния в обратном направлении — от ситуативных социальных установок к обобщенным и далее к ценностным ориентациям — не дала статистически значимых результатов.

Другое доказательство иерархической упорядоченности системы диспозиций — данные двух вариантов таксономической классификации, один из которых выполнен на базе ценностно-ориентационных показателей, а другой — на основе включения в процедуру таксономии признаков, относящихся ко всем фиксированным уровням диспозиционной системы (см. § 3 главы III). Оказалось, что в обоих случаях ценностные ориентации и обобщенные социальные установки взаимосогласованы, но плохо согласуются с ситуативными социальными установками, которые как бы отслаиваются в этой системе.

В подтверждение ведущей роли высших диспозиций говорят и данные наблюдения больных в состоянии стресса (см. §3 главы IV). Выход из стрессовой обстановки, во время которой прежняя диспозиционная структура подвергается значительным изменениям, определяется преимущественно тем, какое место в системе ценностей больного занимают его ориентации на активные социальные связи (работа, семья) по сравнению с ориентациями на самосохранение (здоровье).

Анализ изменений в диспозициях разного уровня по мере производственной адаптации и накопления жизненного опыта выявил странное отставание в изменениях социальных установок, относящихся к деловым качествам работника, по сравнению с «опережающим» сдвигом в соответствующих ценностных ориентациях (см. § 2 главы IV). Если эта тенденция действительно имеет место (что требует

проверки, так как наши заключения опираются на косвенные свидетельства различий в диспозициях у работников разного стажа и возраста, а не на прямые наблюдения за ними в течение ряда лет), то она также говорит в пользу доминирующего положения диспозиций высшего уровня, которые как бы принимают на себя «ответственность» за упорядочение диспозиционной системы.

2. Не менее важное утверждение диспозиционной концепции состоит в том, что *высшие диспозиционные образования больше подвержены влиянию общих социальных условий, а низшие — частных обстоятельств повседневной деятельности.*

Проверка этой гипотезы также подтверждает ее с рядом уточнений. Они касаются главным образом требования более тщательно классифицировать разные виды социальных установок не только по критерию их обобщенности, но и со стороны социально-нормативных и субъективно-личностных аспектов. По-видимому, правильно, как полагают некоторые исследователи аттитюдов, различать социальные установки к нормам поведения, способам действий и другим аспектам социальной ситуации. Выделение подобных аспектов помогает лучше понять их социальную обусловленность и их регулятивные функции (см. §2 главы IV).

Как и ожидалось, ценностные ориентации определенно детерминированы целостным образом жизни, что видно из ориентировочного сравнения наших данных с результатами исследований, проведенных в США (см. §1 главы IV), тогда как социальные установки в профессиональной сфере оказались «нечувствительными» к условиям первичной социализации индивида и некоторым другим обобщенным характеристикам социального статуса. Зато обобщенная ролевая установка обнаружила относительно высокие связи с социально-нормативными аспектами производственной ситуации, а обобщенная субъектная — с различными сторонами оценки этих условий (см. §2 главы IV).

3.²⁰⁹ Основная проблема, рассматриваемая в работе, — это вопрос о соотношении диспозиций и поведения. Он заслуживает более подробного обсуждения.

---

²⁰⁹ Этот раздел написан совместно с В.С. Магуном.

При изучении соответствий между диспозициями и фактическим поведением выявилась необходимость дополнить исходную концептуальную схему, и прежде всего ввести различие между диспозициями, реально регулирующими поведение, и теми, которые осознаются субъектом и общаются им исследователю (см. §1 главы V). В связи с этим было показано, что диспозиционно-поведенческие соотношения следует рассматривать в рамках двух различных и дополняющих друг друга теоретических моделей — «парадигмы реализации» и «парадигмы осознания и коммуникации (между испытуемым и исследователем)».

а) С точки зрения первого из этих подходов, т.е. в рамках: *парадигмы реализации* собственно побуждающих диспозиций, мы исходили из принципа уровневой целенаправленности диспозиционной саморегуляции. Согласно этому принципу максимально обобщенные диспозиции лучше «управляют» поведением личности в разных сферах деятельности, а частные лучше регулируют систему поступков в той области или ситуации, к которой они непосредственно относятся.

В своем основном содержании эта гипотеза подтвердилась: баланс направленности интересов личности в отношении сфер труда и досуга, как и ценностные ориентации, хорошо согласуется с особенностями реального поведения в обеих сферах (см. § 1 главы VI); в области производства, напротив, конкретизированным социальным установкам присущи более сильные, а ценностным ориентациям — менее сильные связи с экспертными оценками фактического поведения обследованных инженеров (см. § 2 главы V).

Вместе с тем предположение о том, что будет найдена четкая иерархия повышения диспозиционно-поведенческих согласований в цепочке от максимально обобщенных к ситуативным социальным установкам, подтвердилось лишь частично. Нашими методиками удалось выделить не четыре, как ожидалось, а лишь два статистически достоверных уровня тесноты ожидаемых связей с поведением: во-первых, ценностных ориентаций и проективных социальных установок (слабые корреляции) и, во-вторых, — ролевой установки (методика VI) и ситуативной социальной установки (более сильные связи).

б) Ожидалось, что чем выше внутренняя согласованность диспозиционной системы, тем сильнее ее регулятивные свойства, причем фактическому поведению активированные диспозиционные образования будут соответствовать лучше, а периферийные — хуже. Последнее подтвердилось: в диспозиционных структурах с доминированием ориентаций и установок на самостоятельность их соответствие с экспертными оценками делового комплекса «самостоятельности» существенно выше, чем в структурах с доминированием диспозиций к ответственности и исполнительности. И наоборот, в структурах с доминированием диспозиций к исполнительности выше согласованность диспозиций к ответственности и исполнительности с одноименными характеристиками поведения, но ослаблены связи с диспозициями к самостоятельности (см. §1 главы VI).

Что касается предположения о повышенных регулятивных функциях внутренне согласованной диспозиционной системы, то оно нуждается в уточнении. Прежде всего выяснилось, что *решающую роль в определении линии поведения играют не столько частные диспозиции к способам деятельности, сколько общая вовлеченность в сферу деятельности*. Высшие диспозиционные образования одновременно упорядочивают структуру нижележащих и определяют общую направленность поведения в русле доминирующих интересов, ведущих целей целостной деятельности.

Было обнаружено (см. §1 главы VI), что в целостной диспозиционной структуре ни ситуативные, ни обобщенные социальные установки к способам действий, если они находятся в противоречии с высшими образованиями диспозиционной системы, не способны обеспечить соответствия с адекватными им параметрами поведения. Все это подтверждает, что поведение человека не ситуативно, но представляет тенденцию, в рамках которой отдельные поступки либо колеблются вокруг некоторой общей «оси», образуемой вышележащими диспозициями, либо прямо совпадают с нею. Об этом же говорит и «эффект регулятивной диспозиционной аддитивности», в силу которого направленность поведения определяется суммарным влиянием диспозиций с высокими регулятивными свойствами.

в) В рамках той же парадигмы реализации собственно побуждающих диспозиций была выдвинута гипотеза, согласно которой *причиной рассогласований между поведением и одной диспозицией могут быть иные диспозиции личности, по отношению к которым регулируемое поведение выступает не в качестве самоцели, а в качестве средства, инструмента*. Так, было показано (см. §4 главы V), что рассогласования между непосредственными диспозициями (желаниями) работника и его реальными деловыми качествами могут возникать под влиянием мотивации инженера содействовать коллективному успеху своей группы, т.е. целевой мотивации, по отношению к которой деловые качества выступают в функции инструментов достижения этой цели.

г) Есть основания полагать, что согласованность диспозиций и поведения может достигаться как за счет «подтягивания» поведения к диспозициям (активная стратегия), так и за счет снижения диспозиций до уровня фактического поведения (пассивная стратегия) (см. § 1 главы VI).

д) Диспозиционно-поведенческие рассогласования могут также возникать из-за несовпадений между диспозициями, реально регулирующими поведение человека («непосредственно побуждающими», по А.Н. Леонтьеву и Л.И. Божович) и их образами, осознаваемыми респондентами и сообщаемыми исследователю (который к тому же может допускать ошибки в регистрации содержания подобных сообщений). С этой точки зрения, т.е. в рамках *парадигмы осознания и коммуникации*, могут быть, в частности, поняты различия между корреляциями с поведением диспозиций к самостоятельности, измеренных разными методиками (см. § 2 главы V), а также уменьшение диспозиционно-поведенческих рассогласований по мере повышения значимости таких ценностей, как искренность, ответственность, умение понимать других людей и т.п. (см. §3, 4 главы V). С этих же позиций может быть предварительно объяснен неожиданный факт повышения диспозиционно-поведенческой согласованности у менее «зрелых» испытуемых (менее вовлеченных в работу, менее опытных и т.п.). По-видимому, этот феномен объясняется своеобразным противоборством между активностью и организованностью человека в реальной деятельности (именно по этим качествам мы судили об уровне зре-

лости) и его рефлексией по поводу своего отношения к этой деятельности.

е) *Как при осуществлении реально побуждающих диспозиций, так и в процессах их осознания, по-видимому, имеют место стилевые различия между людьми.* Например, к ним частично относятся различия между теми, кто регулирует свою деятельность преимущественно непосредственными, либо более опосредованными побуждениями, о чем говорилось выше (см. §4 главы V). Близки к этому различия между диспозиционными типами «саморегулируемых» и «внешнерегулируемых» (см. §1 главы VI). В парадигме процессов осознания (т.е. со стороны познавательной деятельности) обнаруживаются индивидуальные различия, выражающиеся в том, что одни люди лучше осознают свои «макродиспозиции» (например, ценности по методике V), а другие — «микродиспозиции» (например, отношения к конкретным деловым качествам на определенных этапах работы по методике X). Но лучшее осознание побуждающих диспозиций повышает согласованность диспозиционных измерений с фактическим поведением, а потому диспозиционно-поведенческие соответствия в первом случае выше для диспозиций, измеренных по методике V, а во втором — для измеренных по методике X.

В целом, еще раз подчеркнем, что рассогласование между диспозициями и фактическим поведением личности есть результат как социальных, так и индивидуальных факторов. *Со стороны социальных условий* основной источник таких рассогласований — множественность и подчас противоречивость социально-нормативных предписаний, относящихся к разным сторонам жизнедеятельности людей. Совершенствование социалистического образа жизни, его перерастание в образ жизни коммунистический, все более полное слияние интересов каждого человека с интересами коллектива и всего общества при том, что основное условие этого процесса — устранение существенных различий в образе жизни социальных слоев и групп, т.е. формирование социально однородного общества, — вот путь устранения или существенного ослабления социальных факторов, вызывающих несогласованность между желаемыми и реальными действиями личности.

Со стороны субъекта деятельности причины несоответствия между диспозициями и реальным поведением, как было показано, могут быть двоякого рода. Во-первых, они связаны с разнообразными препятствиями на пути реализации регулирующих диспозиций и, во-вторых, с процессами их осознания субъектом, а также его взаимодействия с исследователем, изучающим эти явления.

4. Система фиксированных диспозиций личности (а именно они и находились в центре нашего исследования), по-видимому, вообще не может полностью соответствовать социальному поведению индивидов в заданном «масштабе», каким бы он ни был. И отдельный поступок, и их последовательность, образующая целостность поведения в ограниченном пространственно-временном масштабе, надо полагать, направляются актуальной диспозицией, подобно тому как поведенческий акт, согласно Д.Н. Узнадзе, регулируется актуальной установкой субъекта. *Актуальная социальная диспозиция — это целенаправленная конфигурация ценностно-ориентационных и социально-установочных предрасположенностей к социальному действию в соответствующем «масштабе».* Ее непосредственные детерминанты — опредмеченная в соразмерных масштабу условий деятельности (и их составляющих) потребность субъекта и фиксированные в прошлом его опыте диспозиционные структуры, замыкающиеся на эту потребность. Роль ведущего принимает на себя тот компонент и тот уровень диспозиционной системы, который наиболее полно соответствует данным условиям и цели деятельности именно в этом «масштабе».

В предпринятом исследовании мы имели дело с поведением инженеров в достаточно крупном масштабе: в рамках устойчивой целостности поступков, формирующих определенную систему их деловых и личностных качеств как работников проектной организации, и в рамках их профессиональной деятельности, а также их времяпрепровождения на досуге, — опять-таки весьма обобщенно. Согласно гипотезе о многоуровневой диспозиционной регуляции социального поведения личности такой масштаб фактических действий обследованных позволял рассматривать саморегулятивные функции социальных установок, но главным образом высших диспозиционных образований личности — направ-

ленности интересов и ее ценностных ориентаций. Поэтому неслучайно наибольшее соответствие между диспозициями и поведением было найдено в параметре «направленность интересов — общие характеристики деловитости в сфере труда и общие особенности поведения на досуге».

Все эти факты убеждают в том, что тщательное изучение соотношений между актуальной диспозицией, фиксированными диспозициями и поведением в разных масштабах — задача не одного, а серии исследований, в которых должны использоваться различные стратегии научного поиска. Преимущества нашего проекта заключались главным образом в возможности соединить социологический и социально-психологический подходы к проблеме. Его недостатки в том, что, во-первых, не могло быть получено корректных данных о динамике диспозиционных изменений, ибо прямые свидетельства таких сдвигов — результат длительного наблюдения на протяжении нескольких лет. Во-вторых, прямые доказательства причинно-следственных связей, относящихся к функционированию диспозиционной системы, могли бы быть получены только с помощью экспериментальных процедур. В этих направлениях и должны уточняться выводы нашего исследования, а также гипотезы, которые вообще не могли быть проверены в настоящей работе.

Мы надеемся, что общая постановка проблемы о системно-диспозиционной регуляции социального поведения личности и приведенные здесь фактические свидетельства позволяют говорить о достаточной обоснованности концепции в целом. Изложенное в данной работе представление о диспозиционной структуре, ее объективных и субъективных предпосылках и механизмах функционирования позволяет, как мы полагаем, пополнить наши представления о регуляции и саморегуляции социального поведения личности. Тем самым уточняются и пути дальнейшего изучения этой проблемы, пути более адекватного прогнозирования социального поведения посредством соотнесения уровней обобщенности-специфичности и интегральности-элементарности диспозиций с соответствующими по «масштабу» уровнями действий человека: от общих особенностей жизнедеятельности личности в данных социально-экономических условиях до отдельных поступков в специфических обстоятельствах и ситуациях.